

Фольклористика

УДК 398.2(045)

О.Ю. Осьмухина, М.А. Тростина

ГЕНДЕРНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ «МАТЬ / СВЕКРОВЬ» В УСТНЫХ ЖЕНСКИХ РАССКАЗАХ О ВЕЩИХ СНАХ

Статья посвящена анализу символики женских рассказов о вещих снах, которые как важнейшая часть устного народного творчества не только выполняют информативно-коммуникативную и познавательную функцию, но и отражают механизмы функционирования семейных, гендерных отношений. В результате установлено, что, во-первых, символика образов матери и свекрови в сновидениях соответствует архетипическим представлениям, сформировавшимся в народном сознании: мать является мощным, надежным, духовным покровителем дочери, призванным защищать ее от злых сил, предупреждать об опасности, грозящей как дочери, так и всей ее семье; свекровь выступает хранителем незыблемого порядка в доме, основанного на традициях и стереотипах, нарушение которого часто связывается с появлением невестки, пришедшей из «чужого» пространства. Во-вторых, символическая миссия некральной матери в сновидении часто определяется реальными отношениями со снохой: если между двумя женщинами сложились доверительные отношения, то свекровь «является» к невестке с благими намерениями, желая уберечь ее и близких от несчастья, предсказать грядущие перемены, успокоить, дать полезный совет. В-третьих, в рассказах о вещих снах свекровь исполняет ту же традиционалистскую функциональную роль, что и при жизни в семье: она пытается поучать невестку, желает ее послушания и подчинения. Наконец, в сновидениях отражаются истинные отношения матери и дочери: теплые чувства порождают приятные, впечатляющие сны-знаки; холодные, напротив, воспроизводятся в негативных, сулящих беды сновидениях.

Ключевые слова: семейные гендерные отношения, традиция, стереотип, фольклор, устные рассказы о вещих снах, символические образы мать / свекровь.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-915-926

Введение

Начнем с очевидного: как справедливо отмечает И.С. Бочарникова, «культура является универсальной формой социальной коммуникации, механизмом преемственности различных эталон развития индивидов, общностей и общества в целом. Она реализуется как форма взаимодействия всех элементов социума. В культуре как сложной системе смыслообразующих принципов, образцов и знаково-символических форм важное место занимает народное творчество» [4, с. 3]. В продолжение мысли исследователя добавим, что своеобразие гендерного изучения фольклора, на наш взгляд, обусловлено осмыслением механизмов функционирования гендерных отношений, скрытых в нем и реализующихся в разнообразных формах коммуникации, бессознательного, в том числе. Понимая под фольклором не только былины, былички, сказки и пр., но и тексты (в самом широком их значении), в которых воплощено всё разнообразие транслируемой вербальной традиции (то, что относится к коллективно значимому опыту), мы полагаем, что именно фольклор оказывается тем семантическим, аксиологическим, культурным полем, где локализуются специфические особенности национальной традиции, воплощаются социальные, этнические, гендерные представления. Принципиальная важность изучения фольклора в условиях новейшего времени как важнейшего источника культурной, социальной, гендерной идентификации этноса признается представителями различных областей гуманитарного знания: историками, социологами, этнографами, культурологами и др. [2; 15; 29; 1; 9; 19; 23; 26; 30; 27 и др.]. В настоящей статье мы остановимся на важнейшей составляющей устного народного творчества – рассказах о вещих снах, причем лишь тех, которые символически репрезентуют гендерные, внутрисемейные взаимоотношения матери / свекрови со снохидцей и оказываются принципиально значимыми для понимания отношений в семье, где складываются и транслируются следующим поколениям важнейшие социальные ценности, гендерные стереотипы, в т.ч. представления о женственности и маскулинности, определяющие поведение мужчин и женщин в браке и родительстве.

Материал, методы, обзор

Работа посвящена исследованию символики *женских рассказов о вещих снах*, под которыми мы понимаем *нарративы замужних / побывавших замужем женщин, связанные с их бытом, образом жизни, мировосприятием и особенностями семейной жизни*. В центре нашего внимания два символических персонажа, занимающих важнейшее место и играющих значимую роль в бытовом укладе женщины, – мать и свекровь; именно женские рассказы о вещих снах воплощают внутрисемейные социальные нормы, традиционалистское отношение к предназначению женщины, состоящее в аскриптивной, биологически детерминированной, неизменной роли: материнские обязанности воспроизводства рода и статус хранительницы домашнего очага. Устные рассказы о вещих снах, явившиеся материалом исследования, были зафиксированы нами в ходе фольклорных экспедиций, проведенных представителями Мордовского государственного университета в 2018–2022 гг. на территории Республики Мордовия и расположения диаспоры.

В работе использовались: системный метод, способствующий всестороннему анализу фольклорного материала в соотношении с бытовыми, этнографическими реалиями; метод семантического анализа, позволяющий рассматривать сновидение в социальном, культурном и психологическом контекстах. В ходе сбора полевого материала были применены методы опроса, включенного наблюдения и интервью.

Отметим, что в последние десятилетия устные рассказы о вещих снах находятся в центре научного внимания. Весьма примечательны в этом отношении не только положившие начало изучению сновидений и указывающие в своих исследованиях на связь сна с культурой отдельных племен работы антропологов Дж. Фрэзера и Э.Б. Тайлора [28; 25], но и изыскания сомнологов, связывающих факт возникновения сна с работой нервной системы [11], социологов, понимающих сны как «событие, вписанное в социальный порядок» [3], психологов, рассматривающих сны как психологическую составляющую человеческой жизни и как пророческие явления, способные предсказывать непрогнозируемое будущее [17; 24].

В фольклористике конца XX – начала XXI столетия рассказы о снах стали рассматриваться как особый жанр народной прозы, наделенный устойчивыми формальными и содержательными признаками [5; 21; 20]. Исследователи описали структуру рассказов, выделили их тематические группы, дали характеристику устойчивым мотивам и персонажам. Так, И.С. Веселова рассмотрела принципы сюжетной организации нарративов о снах и определила ряд тематических групп сновидений в зависимости от причинно-следственных связей, сформировавших общую картину сна [5]. В свою очередь, Е.В. Сафронов вывел общую формулу, по которой строятся рассказы о «вещих» снах: во-первых, оценка сна сновидцами, прокручивание в памяти основных моментов и комбинация их в целостной картине рассказа; во-вторых, роль сновидца во сне; в-третьих, семантика сна [21]. А.А. Лазарева изучила механизмы толкования эмоциональных снов, представленных двумя разновидностями: нарративами, «в которых испытанные во сне чувства предвещают противоположные эмоции в дневной жизни», и нарративами, «в которых эмоции получают буквальное толкование» [13, с. 30]. Е.Н. Свалова и Н.И. Генералова, рассмотревшие рассказы о сновидениях как фольклорно-речевой жанр народной речи, обозначили признаки, позволяющие отнести нарративы о сновидениях к фольклорным текстам: «структурную оформленность», «символическую насыщенность и стилистическую обработанность», «использование устойчивых символических форм» [22, с. 130].

Символика сновидений обладает ценностной значимостью, и «объяснение “знаков сна” преимущественно ориентируется на общую оценку заключенного в сновидении прогноза – благоприятный или неблагоприятный» [8, с. 5]. В качестве символических универсалий и культурных архетипов, представленных в сновидениях, были рассмотрены части человеческого тела: от внутренних органов (например, сердца) до биологических жидкостей (крови и плазмы) [6]. И.А. Подюков и Е.Н. Свалова анализируют природно-стихийные (вода, огонь, горы и т.д.), зооморфные (заяц), растительные (яблоня, кедр и т.д.) символы, выявляя их устойчивую связь с архаическими культурными кодами. Особое внимание исследователи обращают на религиозные видения, являющиеся в некоторых случаях способом выражения системы ценностей человека [18]. Е.В. Сафронов отмечает, что наиболее частотными являются рассказы о сновидениях, так или иначе соприкасающихся с видением покойников, в большинстве своем, родственников и близких людей, что является вполне объяснимым фактом [21]. Скорбь по умершему на подсознательном уровне переходит из действительности в сон, где приобретает большую силу и отражает человеческую сущность, и действительно, «все пришельцы “с того

света» выполняют различные функции, но имеют общую этиологию» [27, с. 30]. Нельзя не упомянуть и о группе снов, в которых главным субъектом является живой человек. Как и мертвый, он имеет схожие цели и намерения и выполняет идентичные функции.

Результаты и обсуждение

Образы матери и свекрови в устном народном творчестве, воплощающем патриархальные гендерные стереотипы в отношении роли женщины в семье (имеется в виду то, как она выстраивает взаимоотношения с мужем, несет ответственность за домочадцев, воспитывает детей и внуков), имеют устойчивую характеристику. Архетип женщины-матери в фольклоре, как известно, сопоставлялся с Богородицей, с матерью-землей и матерью-родиной, вследствие чего он стал олицетворять собой защиту и опору: *«Не роди, мати, на белый свет. / Не роди, Мать-сыра-земля!..»*, *«Материнская молитва со дна моря достает»*, *«Мать праведна - ограда каменна»*. Являясь во всех фольклорных жанрах одинаково добрым и чистым, образ матери не утратил своего значения и в рассказах о вещих снах, однако его трактовка ввиду специфики жанра приобрела дополнительные сакральные смыслы.

Свекровь в фольклоре традиционно выступает антиподом матери. Обитательница «чужого» мира репрезентуется властной, мстительной, эгоистичной, опасной. Она любит своих родных детей и вечно недовольна снохой как «ребенком» чужим, не принадлежащим её роду, её крови, а потому «худшим» и «нелюбимым» в сравнении с сыном. Такой предстает свекровь в народных балладах, отражающих суровые домостроевские порядки (*«Уж ты зла-лиха свекровочка неласкова, / Не давала снохи она ни жить, ни быть, / Не давала снохи она ни ись, ни пить»*), семейных песнях (*«Отчего мне, молодушке, веселой-то быть? / Свекор называет медведицею; / Свекровь называет лютою змеей»*), пословицах (*«От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься»*, *«Чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит»*).

В позднетрадиционном фольклоре в адрес свекрови начинают звучать ироничные нотки, однако сущность ее как злодейки остается неизменной: *«Ах, свекровь ты моя, / Хуже лихорадки: / Щи варила – пролила, / Обварила пятки»* [зап. от Е.Е. Енкиной, 1931 г.р., с. Старый Город, Темниковский район, РМ]. Это же относится и к мужу, который, как и свекровь, находится в положении хозяина, в чей дома пришла невестка: *«Муженек мой что гроза, а свекровь выест глаза»* [зап. от Ю.В. Кузнецовой, 1945 г.р., п. Мокшан, Пензенская обл.]; *«Свекровь с сыночком говорит день до вечера, а послушать нечего»* [зап. от Е.Г. Воеводиной, 1948 г.р., г. Саранск, Республика Мордовия].

З. Фрейд трактовал образ матери как знак, сообщающий о том, что сновидец – несамостоятельный и во многом зависящий от матери человек, а символику образа свекрови он оставил без внимания. Согласно соннику Г.Х. Миллера, созданному в XIX в. и остающемуся популярным в наше время, свекровь предвещает примирение, которое должно наступить после серьезных разногласий в деловой сфере или семейном кругу; мать же предвещает приятные обязанности и супружеское счастье. Вместе с тем ни фрейдистские толкования сновидений, ни сонники, составленные зарубежными «снатологами», нельзя брать за основу при интерпретации «русских» персонажей, символическое значение которых определяется традицией, сформировавшейся непосредственно в народной среде. Наиболее достоверным источником знаний о символике того или иного предмета или явления, увиденного во сне, выступают устные рассказы, приметы и суеверия русского народа.

В ходе анализа собранного материала выяснилось, что образы матери и свекрови в рассказах о снах часто соответствуют архетипическим. Свекровь традиционно выступает носителем негативной информации: *«А мне когда свекровь снится – это жди беды!»* [зап. от М.П. Дорониной, с. Большое Игнатово, Республика Мордовия]; *«Теть Валя [свекровь] что при жизни была стервой, что после смерти. После того, как она приснится мне, так всё... жди беды наяву. При жизни стравливала нас с мужем, так теперь и во сны перебралась»* [зап. от М.И. Козеевой, 1979 г.р., г. Звенигород, Московская область]; мать, по мнению большинства информантов, напротив, предвещает перемены к лучшему: *«Ну, мать всегда к добру снится. Значит, хорошие новости будут»* [зап. от В.С. Борисовой, с. Большое Игнатово, Республика Мордовия]. Более того, сами сюжетные ситуации вещих снов нередко воплощают традиционалистские представления о внутрисемейных гендерных ролях. К примеру, о подчиненном положении снохи по отношению и к мужу, и к свекрови, необходимости безоговорочного послушания: *«Свекровь пришла ко мне и села рядом, а потом откуда-то выхватила плетку или веревку какую-то и давай меня стегать. Сама стегает и кричит: слушайся, что Вовка говорит... А Вовка – это мой муж, мы с ним как раз в этот же день и поссорились, он не хотел к моей сестре в*

выходные в гости ехать. Вот почему она приходила» [зап. от Н.Т. Гребневой, 1973 г.р., с. Новая Кармала, Кошкинский район, Самарская обл.]; *«Свекровь моя лет пять уж умерла. При жизни всё поучала меня, и, представляете, вдруг приснилась, и так страшно: она стоит, а я слышу раскаты грома, темно вокруг, а она и говорит, мол, не отстанешь от сына, не прекратишь командовать, хуже будет. Так он через пару дней попал в аварию»* [зап. от А.С. Ковальковой, 1964 г.р., с. Старое Эшбенкино, Челно-Вершинский район, Самарская обл.].

Вместе с тем в ряде сел распространено суеверие о том, что видеть во сне родную мать так же плохо, как и свекровь: *«Мать родная – к плохому»* [зап. от Е.М. Инчиной, 1975 г.р., с. Козловка, Атяшевский район, Республика Мордовия], *«Мать – к тяжёлой болезни»* [зап. от К.Г. Шинелевой, 1931 г.р., с. Редкодубье, Ардатовский район, Республика Мордовия]. Причем подобное толкование связывается как с образом «живой», так и с образом «покойной» матери. Если с явлением умершей матери все более-менее понятно: материнская душа и после смерти беспокоится за детей, и именно поэтому она приходит во сне, чтобы предостеречь дитя, остановить от необдуманных поступков, дать совет, передать информацию, полученную из иного мира, то остается невыясненной отрицательная символика образа в снах о живых и здоровых родительницах.

В рассказах о вещих снах функциональная роль героев-антиподов может разительно отличаться от той, которую они играют «наяву», что определяется как особенностями самого жанра, так и «неестественностью» их состояния. Свекровь, например, в сновидении может выступить в несвойственной ей ипостаси защитницы некровной дочери, чему сновидец прежде всего сам удивляется, поскольку привык к иному типу поведения родни со стороны мужа: *«Однажды мы разругались с моим мужем. Неделю ходили не разговаривали. А ночью мне снится: приходит свекровь к нам в гости, весёлая такая, с тортом, конфет принесла мне. Я её чаем угостила; сидим с ней разговариваем обо всём на свете. Тут муж с работы вернулся, тоже с нами ужинать сел. Наутро я с таким хорошим настроением проснулась! И с мужем в этот день мы помирились»* [зап. от Н.В. Смирновой, 1959 г.р., г. Арзамас, Нижегородская обл.].

Рассказ о сне выстраивается по воспоминанию, складывается из цепочки запечатленных в памяти сновидца образов, деталей, нередко обрывочных и хаотичных: *«Ой, как вспомню, в дрожь бросает! Снится мне, значит, как-то свекровь, мать Петьки-то. Смеется надо мной и смеется. А вокруг людей много... Мне как-то даже неловко... Я ее толкаю, а она продолжает смеяться. Кроме смеха ее не помню больше...»* [зап. от Н.Н. Муромцевой, 1958 г.р., с. Большие Березники, Республика Мордовия]; *«Пришла ко мне во сне как-то мама, а ей вот только 40 дней прошло. Мы с ней в каком-то саду стоим. Вокруг яблонь много. Смотрю, папа, тоже покойник, яблоки ест сидит. А я будто маленькая, бегаю, смеюсь...»* [зап. от А.А. Муромцевой, 1985 г.р., с. Большие Березники, Республика Мордовия].

Само сновидение понимается как знаковое явление, акцентирующее внимание именно на таких событиях, которые привлекают чем-либо неординарным, выдающимся, выходящим за рамки привычного: *«Мне снится свекровь Надежда Алексеевна. Как будто мы с ней сидим в трамвае, куда-то направляемся... Надежда Алексеевна, как сейчас помню, вытаскивает свои глаза, как бывают с белками вместе, и дает их мне... Она как будто твердила мне: “Открой глаза! На! Мои глаза возьми! Моими посмотри!..”»* [зап. от Н.Ю. Горбачевой, 1970 г.р., г. Саранск, Республика Мордовия]; *«А мне что за сон снился собственно... Я стою, значит, во дворе, кур кормлю. Ко мне подходит тетя Света, мать моего муженька, и по щеке меня как ударит! Я с испуга зерно ей в зенки кидаю...»* [зап. от Е.А. Старцевой, 1958 г.р., с. Большие Березники, Республика Мордовия]. Тем самым персонажи сновидений хотят обратить внимание сновидцев на что-то важное, значимое, передать ценную информацию, которую они несут из иного мира, осознаваемого рассказчиком таковым уже во сне, а, следовательно, увиденное волнует сновидца, будоражит его сознание, обращает к попытке толкования сновидения.

Переходя к детальному анализу двух образов, отметим, что события, описанные в рассказах сновидцев, происходят как в своем пространстве, так и в чужом, что определяет логику снотолкования. Появившаяся в доме дочери мать посредством символических действий может сообщить ей о новостях своей жизни: *«Снилось, как будто я пришла с работы, а у меня за столом моя мать сидит и плачет. Я испугалась, спросила, что случилось. Она мне ничего не ответила и дальше плакать продолжала. Я из дома вышла. Смотрю, там отец идёт, я у него спросила, что случилось, почему мать плачет, он тоже ничего не ответил. Вот не знаю, связан ли как-то этот сон или нет, но на следующий день звоню матери, узнать, как у них дела. Она мне рассказывает: “У нас беда сегодня случи-*

лась. Я забыла закрыть с вечера сарай. Ночью проснулась от того, что собака очень громко лаяла. Вышла во двор проверить. Смотрю, соседский пёс огромный с цепи сорвался и шесть кур у нас съел. Так ещё и к цыплятам залез, вообще ни одного не оставил» [зап. от Л.В. Юсуповой, 1969 г.р., г. Арзамас, Нижегородская обл.].

Оказавшись на «чужой» территории, мать буквально считывает информацию о ней, сообщая дочери, чего можно ждать от пребывания здесь, кого и чего опасаться, что можно приобрести в незнакомом мире: «Маме приснилось, что бабушка привела её в незнакомый дом, который, как потом оказалось, дом мужа. И там, на печке, сидит паренёк [будущий муж]. Моя мама ходит по дому, пытается с парнем заговорить, но ничего из разговора не запомнила. Так мама познакомилась с мужем до встречи в реальности» [зап. от Я.Г. Труниной, 2003, р. п. Евлашево, Пензенская обл.]. Следующий пример: «Мама еще только с отцом познакомилась, даже он знакомиться её в свою семью не приводил, как ей приснилось, что они вошли с квартиру, а за пустым столом сидит красивая женщина, крупная и как гавкнет громко на маму, что она чуть не упала от испуга. Потом оказалось, что она бабушку мою, т.е. свою будущую свекровь во сне видела, с которой они ругались всю жизнь. Да, и готовить свекровь не любила и толком не могла, вот почему она маме за пустым столом приснилась» [зап. от Ю.В. Бурькиной, 1987 г.р., г. Саранск, Республика Мордовия].

Символическими оказываются и предметы, с которыми в сновидении мать появляется или обращается к дочери. Как правило, они напрямую связаны с грядущей ситуацией. Например, мать с костылями, а, следовательно, находящаяся в болезненном состоянии, предвещает болезнь: «Представляешь, снится мне тоже как-то мать моя. Будто мы в больнице, а мама на костылях. И двигается так еле-еле. А я не пойму, где она ногу-то сломала, мы же с ней вот только были вместе, ходила без костылей, была здорова. Врачи ей говорят, что она должна на костылях ходить сейчас, по-другому не получится у нее. А я скоро заболела сама, ангина ужасная, две недели дома лежала, встать не могла» [зап. от О.Ю. Лямзиной, 1986 г.р., с. Большие Березники, Республика Мордовия].

Имеет значение размер и количество предметов, принесенных матерью. Так, например, два яблока, переданные дочери, предвещали рождение ею двойни [зап. от Л.В. Юсуповой, 1969 г.р., г. Арзамас, Нижегородская обл.], а сметенный сор с пола в большую кучу в доме дочери стал предвестником её ссоры с мужем [зап. от Е.А. Афанасьевой, 1974 г.р., с. Шилан, Красноярский район, Самарская обл.].

Особой смысловой нагрузкой в народной среде наделяются сны с явлением умершей матери, продолжающей заботиться о детях и после смерти, особенно о дочери, отданной в чужую семью и живущей с родственниками мужа, которым она вынуждена угождать и подчиняться. «Мама как-то раз пришла ко мне во сне, я бросилась к ней, плакать начала, говорю, мамочка, как мне без тебя плохо и всё такое. А мама меня поцеловала, обняла, перекрестила и сказала, что скоро мне спокойно будет. Я тогда так удивилась, к чему этот сон? А через месяц свекровь моя умерла... Грех говорить, но тяжелый человек она была, всю душу мне выматывала. Оказывается, мама вот о чём меня предупредила» [зап. от С.А. Киселевой, 1968 г.р., г. Саранск, Республика Мордовия].

Существует поверье, что если мать, и в целом любой умерший родственник, не снится, значит «ей на том свете хорошо, спокойно». Приходит во сне покойник не случайно, а с какой-то вестью. Известие, принесенное матерью, может быть радостным, например, сообщать о грядущем пополнении в семье: «А мне моя мама снилась нечасто. Один раз приснилось мне, будто я в поле, а мама на другом конце поля. Стоит там и будто вся светится. Улыбается во весь рот. Потом письмо пришло, что у меня первая внучка в Ленинграде родилась» [зап. от Е.Н. Лапшиной, 1943 г.р., с. Малые Кармалы, Ибресинский район, Республика Чувашия]. Мать, выступающая посредником между миром предков и продолжателей рода, сообщает о зарождении новой жизни и передает тем самым ликование всех усопших родственников: «Моя мать-молодка приходила ко мне лишь тогда, когда я беременела. И всегда один и тот же сон: я сижу около берега и смотрю, как мама идет с корзиночкой, из которой доносится детский плач» [зап. от М.В. Глазковой, 1976 г.р., г. Саров, Нижегородская обл.].

Нередко явление покойной матери означает ее беспокойство за судьбу детей, о чем она спешит сообщить именно дочери, на плечах которой традиционно лежит ответственность за душевный покой, мир и лад в семье. «Помню, у нас с мужем период был тяжелый: жили у его матери, свекровь лезла во всё, жить мне не давала, поучала, чтобы я туда не ходила, мужа слушалась беспрекословно, детей дергала без конца. Ну вот, и однажды мама мне приснилась и подала мне большую коробку. Я открываю, а там пироги, конфеты, печенье, в общем, сладости. Оказалось, что скоро мы квартиру купили и

от свекрови переехали. Я еще потом несколько раз маму во сне видела с такой же большой коробкой, и всегда потом что-то хорошее происходило» [зап. от Н.А. Курмаевой, 1948 г.р., г. Самара].

Нарушившая условную границу между двумя мирами мать может предвещать сновидцу или кому-либо из близких родственников утрату, болезнь и даже смерть. Характерны в этом плане сны о матери, пришедшей с намерением забрать кого-то из близких с собой. Такие сюжеты трактуются буквально: символический персонаж пришел из мира мертвых, следовательно, он намерен забрать участника сновидения в «иной» мир. Причем о своей цели она может заявить напрямую, приглашая родственника пойти за ней (*«Перед смертью к моему деду во сне его мать покойная приходила и с собой звала. К вечеру следующего дня он помер»* [зап. от Л.В. Юсуповой, 1969 г.р., г. Арзамас, Нижегородская обл.]), либо путем намека с помощью принесенных ею символических предметов: *«Снится мне, значит, как я мучаюсь от зубной боли. Долго мучилась. Приходит ко мне мама моя, покойница, что-то говорит себе под нос и платок протягивает. Я не могу разобрать, что она говорит. Начинает еще громче бурчать, а слов все равно не могу разобрать. Взяла у нее этот платок, чувствую, зуб шатается. Выплюнула его с кровью в этот платок. А мама моя головой качает, плачет. Ну что думаешь? В скоро времени доченька моя и умерла, не спасли ее врачи... Вот к чему ко мне мама умершая приходила, предупреждала о скорой потере»* [зап. от Н.И. Муромцевой, 1958 г. р., с. Большие Березники, Республика Мордовия]. Предвещая смерть, покойная мать своим появлением внушает сновидцу уверенность, что на том свете умерший будет под ее защитой и опекой. Подобное суеверие до сего дня подтверждается традицией хоронить младенцев в одну могилу с кровными родственниками – бабушками, прабабушками, которые позаботятся о нем, окружив вниманием и лаской. В противном случае *«ребенок, если одного положить, других за собой потянет: ему ведь там страшно одному и холодно»* [зап. от К.А. Витовой, 1938 г.р., с. Редкодубье, Ардатовский район, Республика Мордовия].

Другой тип поведения покойницы во сне – появление с просьбой, что также свидетельствует о неуспокоенности ее души после смерти. Такие сны воспринимаются как сигналы к ответному действию. Главное для сновидца – правильно растолковать смысл сна и откликнуться на материнскую просьбу должным образом. Как правило, схема поведения традиционна и стабильна. Так, если мать просит у дочери предмет одежды, например, платок, тапки и т.д., то их следует «отправить» родительнице со следующим родным или знакомым покойником, согласовав подобное решение с его родственниками: *«Мама тоже снилась, она два дня подряд просила платок у меня белый. А тут соседка умерла – я этот ее платок-то любимый в гроб соседке положила, когда хоронили. Вот, больше тогда она не снилась»* [зап. от Р.Д. Курицыной, 1949 г.р., с. Криуша, Арзамасский район, Нижегородская обл.]. Получив желаемое, родительница перестает беспокоить близких. Но изредка она может навещать детей, чтобы ободрить и поддержать их: *«А как же, приходят, когда грустно, приходят! Мне когда плохо, я маму вспоминаю, она во сне и приходит. Перед операцией мне приснилась, мне тогда вену вырезали, она за день приснилась, светится вся, я сразу поняла, операция хорошо пройдет. Да, так и прошла»* [зап. от М.С. Рябчиковой, 1957 г.р. с. Криуша, Арзамасский район, Нижегородская обл.].

В процессе исследования второго образа удалось установить, что свекровь как символический персонаж может выступать носителем разносторонней информации в зависимости от контекста сновидения, выполняемых ею действий, одежды и т. д.; то есть трактовать сон с явлением свекрови невестке однозначно не представляется возможным.

Обращает на себя внимание то, что об отношении снохи к свекрови можно судить уже по тому, как информант именуется некровную родственницу. Так, мать мужа может называться и нейтральным словом «свекровь», и разговорными – «свекровка», «свекруха», «свекровушка»: *«Я иду-иду и смотрю, что за мной увязалась свекровка любимая. И тут – раз, она как спотыкнется и упадет своим личиком в кучу коровьего помета, а я давай хохму давить. Зря смеялась, как выяснилось. Никита (брат двоюродный) со сцены упал на конкурсе»* [зап. от М.И. Козеевой, 1979 г., г. Звенигород, Московская обл.]. Пренебрежительно-фамильярная стилистическая окраска слова буквально с начала повествования позволяет судить о неприятностях, которые последуют за явлением «свекровки», «увязавшейся» за сновидицей. Попавшая в нелепую ситуацию свекровь не смеется вместе с невесткой, а мстит ей за недостойное поведение.

Толкование сновидения с персонажем-свекровью может определяться местом действия. Свекровь, представшая на «своей территории», чувствует себя «спокойнее» и, как правило, не желает зла снохе, если та принимает ее правила жития: *«Мне после свадьбы приснилось, что мы со свекровью у нее в квартире полы мыли. Я долго думала, к чему это, плохого ждала. Но нет, оказывается, наобо-*

рот даже. Как вторая мама мне стала» [зап. от И.Н. Гришенковой, 1982 г.р., с. Большое Игнатово, Республика Мордовия]. По словам рассказчицы, этот запомнившийся ей сон помог справиться с тревогой («плохого ждала»), которую она испытывала, входя в новый дом. В данном случае молодая женщина стала внимательнее присматриваться к матери мужа и скоро поняла, что та настроена добродушно и дружелюбно.

В «чужом» пространстве свекровь появляется «по необходимости», как правило, предвещая неприятности. Она словно специально выискивает сноху, чтобы загадать ей загадку своего визита, однако зачастую разгадка приходит уже после случившегося: *«Вот стою я, а она идет мне навстречу. Я думаю, ну все, за мной пришла. А она вот мимо прошла, посмотрела, но ничего не сказала, мимо вот прошла. А через три дня у меня тетка вот умерла, она подруга свекрухина была, вот которая в том доме живет, где во сне я стояла. За ней приходила»* [зап. от В.П. Хазовой, 1953 г.р., с. Тагаево, Починковский район, Нижегородская обл.].

Интерпретируя сновидения с символическим персонажем, необходимо обращать внимание на совершаемые им действия, поскольку одного героя часто бывает недостаточно для постижения смысла увиденного. Свекровь, как и другие участники сновидения, может совершать поступки, предопределяющие грядущее, особенно если они «выдающиеся», вызывающие, незаурядные: *«Приснились раз и свекор, и свекровь. Веселье такие были. Песни пели, самогон пили. А в то время у меня Анька должна была поступать в институт. Мы все переживали. И после этого сна, представляешь, звонят с Питера и говорят, что она поступила. Даже комнату в общежитии ей дали!»* [зап. от Л.Н. Марковой, 1964 г.р., г. Луга, Ленинградская обл.]. Приподнятое настроение свекрови, праздничная застольная атмосфера проецируют в сновидении последовавшее за ним радостное событие.

Отсутствие настроения у некровной матери, ее озабоченность, раздражение, злоба, выражающиеся в характерных жестах и поступках, в свою очередь, соотносятся с неизбежными потерями и неприятностями: *«Снилось мне, что я со свекровью своей ругалась. И так сильно, она меня всеми матами-перематами во сне покрывала. А из-за чего ругались, не помню. Проснулась я и сразу поняла: не к добру это. Весь день на душе плохо было. А на следующей неделе меня на работе сократили»* [зап. от Н.В. Смирновой, 1959 г.р., г. Арзамас, Нижегородская обл.]. Вместе с тем жест свекрови может намекать и на грядущие приятные события, например, молчаливое и навязчивое «указывание» пальцем являет собой попытку «свекрухи» обратить внимание сновидицы на конкретный предмет: *«Однажды снится мне моя свекруха. Показывает на меня пальцем. Я не пойму, что со мной не так. Спрашиваю ее, а она молчит. Я давай на нее по-всякому: и ведьмой, и бесстыжей. Она все показывает на меня пальцем. А следующим днем мне муж мой кольцо подарил, да серебряное такое...»* [зап. от Е.А. Старцевой, 1958 г., с. Большие Березники, Республика Мордовия].

Экономная, рачительная свекровь и во сне продолжает заботиться о материальном достатке семьи своего сына и часто с помощью символических действий старается предотвратить материальный ущерб. Но вещий сон потому и является вещим, что осознается таковым лишь после совершившегося: *«Снится мне свекруха опять, недавно было вот. Идем мы с ней на берегу речки какой-то, а навстречу цыганка. Плачет она, просит помочь ей. А свекруха моя похабить начала ее. Я было хотела помочь этой женщине, а свекруха кричит матом, мне пальцем указывает. Цыганка начала что-то приговаривать, а свекруха-то ее как пнет, та в воду полетела и будто растворилась. Платок да кольца плавают от нее. Свекруха поднимает кольца ее и надевает мне на руку. Ну и что думаешь? Через денька два-три, так уже и не помню, пропали у меня украшения. Мужа спрашиваю, куда подевались, а он говорит, женщина какая-то приходила, милостыню просила, вот и отдал ей мои украшения, даже сам не помнит, как. Получается, свекруха-то предупредила меня во сне»* [зап. от Е.А. Старцевой, 1958 г., с. Большие Березники, Республика Мордовия].

Предметный мир сновидения может быть обширным, но сновидец, как правило, акцентирует внимание на выдающихся, бросающихся в глаза деталях и запоминает прежде всего именно их. Предметы, с которыми обращается в сновидении свекровь, разнообразны, начиная от домашней утвари и завершая самыми экзотическими, например, змеей, видеть которую, по народным представлениям, к ссорам, сплетням и злым людям: *«Идем мы с матерью Петьки, то есть свекровью моей, по лесу незнакомому. <...> Сели на пень корявый, а откуда ни возьмись летят мухи вот таку-ущего размера! Смотрю в сторону, а тетя Нюрка стоит, мне змею протягивает. Она меня как ужалит, как ужалит! Я давай бежать, не могу быстро, нога немеет, чувствую. А свекровь в змею превратилась и ползет за мной. Проснулась наутро, думаю, к чему бы... А я на работе со своими*

[коллегами] поссорилась, так еще и с начальником разлад случился... Проклинала эту ведьму весь вечер потом. Зачем это она еще мне снится!!!» [зап. от Н.Н. Муромцевой, 1958 г.р., с. Большие Березники, Республика Мордовия]. Отметим, что, называя свекровь «тетя Нюркой» (информант именно так именуется свекровь в рассказе интервьюеру), сноха открыто демонстрирует свою неприязнь к ней. Представление о матери мужа как о коварной и ядовитой женщине самым прямым образом связано с воплощением подсознательного в сновидении («змея» – свекровь держит в руках змею (олицетворение зла) и вручает ее невестке с целью вредительства, после чего сама перевоплощается в змею, тем самым демонстрируя свою сущность).

Символический смысл заключают также изречения свекрови, запомнившиеся сновидице и соотнесенные с последующими событиями. Так, насторожить невестку может вопрос-предупреждение («Снится мне покойная свекровь и спрашивает: “А кольцо твоё где?”. Утром смотрю – обручально-го кольца и правда нет») [зап. от З.А. Киреевой, 1951 г.р., р.п. Евлашево, Пензенская обл.]; некротная родственница может во сне дать полезный совет («Ой, у нас со свекровью всегда отношения хорошие были. Если она мне снится, либо к добру, либо предупреждает о чём-то. Один раз, например, мне приснилось, что свекровь сказала торговать завтра не ехать. Я и не поехала. А на следующий день ураган такой был, что все, кто ездил, пожалели. И сами под дождём намочились, и товар, да и людей не было. Зря только время потратили») [зап. от Н.В. Смирновой, 1959 г.р., г. Арзамас, Нижегородская обл.], а иногда и предостережение: «Мы со свекровью не сильно ладили. Она всё учила меня подчиняться и ей, и мужу, мол, её так воспитали. И вот как-то раз она мне во сне является и говорит: “Моих ошибок не повторяй, только хуже будет, твоё дело – внучок”. И исчезла сразу, как сказала. Вскоре сын мой женился, они с женой с нами жить поначалу стали, и мне не очень-то это нравилось. Я вспомнила сон про свекровь, и свою невестку я, конечно, не терзала, как меня моя свекровка, потому, может, мы с ней и жили не ссорясь, пока они с сыном не переехали в свой дом. Ну, и с внуком, конечно, я нянчилась всё время» [зап. от А.М. Светлихиной, 1950 г.р., г. Дзержинск, Нижегородская обл.]. Очевидно, что здесь свекровь предостерегает невестку от своих же собственных ошибок, дабы она не превратилась в такую же «лютую» старуху, придирчиво относившуюся к снохе, не следовала семейным гендерным стереотипам о разделении ролей и строгом подчинении.

Предупреждения о грядущих переменах могут быть высказаны напрямую («... говорит мне, чтобы черную не брали, молока не будет! Я утром кричу Коле: “Поехали, ту красную купим сегодня”. Поехали, купили красную. Правда, хорошая корова была») [зап. от Е.Н. Лапшиной, 1943 г.р., с. Малые Кармалы, Ибресинский район, Республика Чувашия]) или косвенно, посредством намеков, символов и ассоциаций: «Собрались мы с мужем в город ехать, за коровой. В ночь перед уездом снится мне: приходим мы с мужем в гости к свекрови, а она стряпает что-то, весёлая, нарядная. Я спрашиваю у неё:

– Тётя Надь, что это? Разве сегодня праздник какой?

А она мне говорит:

– Конечно, праздник! Как же, счастье такое! Это отметить надо!

Не поняла я тогда во сне, про какое она счастье говорила. На следующий день купили мы коровку и недорого. А какой-хорошей-то оказалась! И молока много, и жирное. Прожила она у нас долго тогда. Может, про это счастье мне свекровь во сне и сказала» [зап. от А.С. Трошиной, 1931 г.р., г. Лукоянов, Нижегородская обл.].

Заключение

Подводя итог анализу образов матери и свекрови в устных женских рассказах о вещих снах, отметим, что их символика в сновидениях во многом соответствует архетипическим представлениям, сформировавшимся в народном сознании: мать является мощным, надежным, духовным покровителем дочери, призванным защищать ее от злых сил, предупреждать об опасности, грозящей как дочери, так и всей ее семье; свекровь же выступает хранителем незыблемого порядка в доме, основанного на традициях и стереотипах, нарушение которого часто связывается с появлением невестки, пришедшей из «чужого» пространства. Вместе с тем символическая миссия некротной матери в сновидении часто определяется реальными отношениями со снохой: если между двумя женщинами сложились доверительные отношения, то свекровь «является» к невестке с благими намерениями, желая уберечь ее и близких от несчастья, предсказать грядущие перемены, успокоить, дать полезный совет. Нередко в рассказах о вещих снах свекровь исполняет ту же традиционалистскую функциональную

роль, что и при жизни в семье: она пытается поучать невестку, желает ее послушания и подчинения. Отражаются в сновидениях и истинные отношения матери и дочери: теплые чувства порождают приятные, впечатляющие сны-знаки; холодные, напротив, воспроизводятся в негативных, сулящих беды сновидениях. Женские рассказы о вещих снах, связанные с матерью и свекровью, отличаются эмоциональностью, глубиной переживаний, они выступают средством передачи символической и ценной информации, расшифровать которую может только сновидец. Как важнейшая часть устного народного творчества подобные рассказы не только выполняют информативно-коммуникативную или же познавательную функцию, по сути, они отражают механизмы функционирования семейных, гендерных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев М.А., Карабаева Р.О. Народное творчество как объект историко-философской рефлексии // Современные гуманитарные исследования. М., 2006. № 1. С. 118-119.
2. Атрощенко Ю.Ю. Гендерная проблематика современной фольклористики // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. № 3. С. 9-15.
3. Борисенко А. Социальные режимы сна и бодрствования // Социология власти. 2014. № 1. С. 113-128.
4. Бочарникова И.С. Народное творчество как социальный феномен в современном российском обществе: дис. ... к. социол. н. Майкоп, 2010. 207 с.
5. Веселова И.С. Структура рассказов о снах // Сны и видения в народной культуре. 2002. С. 171-180. URL: http://www.pragmema.ru/ru/assets/pdf/veselova_struktura_rasskazov_o_snah.pdf
6. Гура А.В. Символика тела в сновидениях // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 341-355.
7. Живица Е.Ю. Устная народная снотолковательная традиция: на материале рассказов о снах : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 147 с.
8. Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 23 с.
9. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
10. Карабаева Р.О. Народное творчество как объект историко-философской рефлексии // Современные гуманитарные исследования. 2006. № 1. С. 118-119.
11. Карманова И.Г. Эволюция сна: этапы формирования цикла «Бодрствование – сон» в ряду позвоночных. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1977. 174 с.
12. Лазарева А.А. Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 335 с.
13. Лазарева А.А. Эмоции как объект толкования в славянских народных рассказах о вещих снах // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (20). С. 30-46.
14. Липатова А.И., Тростина М.А. Символика образа свекрови в устных рассказах о вещих снах // Русский фольклор Мордовии в контексте отечественной культуры: сб. материалов Всеросс. науч. конф. (Шестые Всеросс. научн.-педагогич. чтения с международным участием) (10 марта 2022 г., Саранск) / О.Ю. Осьмухина (отв. ред.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. С. 25-31.
15. Михайлова Л.И. Народное творчество как социокультурное явление. Пермь: ПБВКИУ, 1994. 176 с.
16. Михайлова Л.И. Народное художественное творчество и его место в российской культуре // Социологические исследования. 1998. №4. С. 3-16.
17. Нурмухаметов Э.А., Латыпов И.Р. Сновидения в жизни современного человека: психологический аспект // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 1(58). С. 78-83.
18. Подюков И.А., Свалова Е.Н. Культурная семантика знаков-символов в текстах народных сновидений (на материале традиции сновидчества в Пермском Прикамье) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 121-136.
19. Попов Е.А. Социология искусства: проблема становления // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 118-124.
20. Садова Т.В. Структурно-семантические характеристики устного сновидческого рассказа // Практики и интерпретации. 2016. Т. 1 (4). С. 273-284.
21. Сафронов Е.В. Рассказы о снах как фольклорный жанр // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. 2005. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/safronov2.htm>
22. Свалова Е.Н., Генералова Н.И. Народные рассказы о сновидениях как фольклорно-речевой жанр // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 127-131.
23. Соколов К.Б. Субкультурная стратификация и городской фольклор // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2000. № 1. С. 3-10.
24. Стоюхина Н.Ю., Костригин А. А. Проблематика сна и сновидений в отечественной психологии на рубеже XIX-XX веков // Приволжский научных вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 1-5.

25. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 572 с.
26. Токтарова Т.Ж. Культурные императивы в фольклоре: гендерный аспект // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 1. С. 63–65.
27. Тростина М.А. Архетип «родного покойника» в устных народных рассказах русских и мордвы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). Ч. 2. С. 29–32.
28. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 832 с.
29. Чистов К.В. Русская народная утопия: генезис и функции социально-утопических легенд. СПб.: Дмитрий Булавин. 2003. 538 с.
30. Шабанова М.В. Девочка – невеста – мать: структура гендерной идентичности в этнической культуре русских // СЕРВИС PLUS. 2020. № 4. Т. 14. С. 115–122.

Поступила в редакцию 23.01.2023

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы
E-mail: osmukhina@inbox.ru

Тростина Марина Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
E-mail: trostina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

O. Yu. Osmukhina, M. A. Trostina

**GENDER REGULARITIES OF IMPLEMENTATION OF SYMBOLIC CHARACTERS
«MOTHER / MOTHER-IN-LAW» IN ORAL WOMEN'S STORIES ABOUT PROPHETIC DREAMS**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-915-926

The article is devoted to the analysis of the symbolism of women's stories about prophetic dreams, which, as the most important part of oral folk art, not only perform an informative-communicative and cognitive function, but also reflect the mechanisms of functioning of family and gender relations.

Oral stories about prophetic dreams, which were the material of the study, were recorded by us during the folklore expeditions of the Mordovian State University in 2018–2022 on the territory of the Republic of Mordovia and the diaspora. The work used: a systematic method that contributes to a comprehensive analysis of folklore material in relation to everyday, ethnographic realities; a method of semantic analysis that allows one to consider a dream in social, cultural and psychological contexts. During the collection of field material, the methods of survey, participant observation and interview were applied.

As a result, it was established that, firstly, the symbolism of the images of the mother and mother-in-law in dreams corresponds to the archetypal ideas formed in the popular consciousness: the mother is a powerful, reliable, spiritual patron of her daughter, designed to protect her from evil forces, to warn of the danger that threatens as a daughter, and her whole family; the mother-in-law acts as the guardian of the unshakable order in the house, based on traditions and stereotypes, the violation of which is often associated with the appearance of a daughter-in-law who came from a “foreign” space. Secondly, the symbolic mission of a non-blood mother in a dream is often determined by real relationships with the daughter-in-law: if a trusting relationship has developed between two women, then the mother-in-law “appears” to the daughter-in-law with good intentions, wanting to protect her and her loved ones from misfortune, predict future changes, reassure, give helpful advice. Thirdly, in stories about prophetic dreams, the mother-in-law plays the same traditionalist functional role as during her life in the family: she tries to teach her daughter-in-law, wants her obedience and submission. Finally, the true relationship between mother and daughter is reflected in dreams: warm feelings give rise to pleasant, impressive dream-signs; cold ones, on the contrary, are reproduced in negative, ill-omened dreams.

Keywords: family gender relations, tradition, stereotype, folklore, oral stories about prophetic dreams, symbolic images of mother / mother-in-law.

REFERENCES

1. Abdullaev M.A., Karabaeva R.O. Narodnoe tvorchestvo kak ob"ekt istoriko-filosofskoj refleksii [Folk art as an object of historical and philosophical reflection]. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya* [Contemporary Humanities Studies]. Moscow, 2006, № 1, pp. 118-119. (In Russian).

2. Atroshchenko Yu.Yu. Gendernaya problematika sovremennoj fol'kloristiki [Gender problems of modern folklore]. Sborniki konferencij NIC Sociosfera [Collection of conferences of the National Research Center Sociosphere]. 2010, № 3, pp. 9–15. (In Russian).
3. Borisenko A. Social'nye rezhimy sna i bodrstvovaniya [Social regimes of sleep and wakefulness]. Sociologiya vlasti [Sociology of power], 2014, № 1, pp. 113–128. (In Russian).
4. Bocharnikova I.S. Narodnoe tvorchestvo kak social'nyj fenomen v sovremennom rossijskom obshchestve [Folk art as a social phenomenon in modern Russian society], diss. ... k. sociol. n. [PhD diss.]. Majkop, 2010, 207 p. (In Russian).
5. Veselova I.S. Struktura rasskazov o snah [The structure of stories about dreams]. Sny i videniya v narodnoj kul'ture [Dreams and visions in folk culture], 2002, pp. 171–180. Available at: http://www.pragmema.ru/ru/assets/pdf/veselova_struktura_rasskazov_o_snah.pdf. (In Russian).
6. Gura A.V. Simvolika tela v snovideniyah [Symbolism of the body in dreams]. Slavyanskij al'manah [Slavic almanac], 2016, № 1–2, pp.341–355. (In Russian).
7. Zhivica E.Yu. Ustnaya narodnaya snotolkovatel'naya tradiciya: na materiale rasskazov o snah [Oral folk dream interpretation tradition: based on stories about dreams], dis. ... kand. filol. nauk [PhD Diss.]. Moscow, 2004, 147 p. (In Russian).
8. Ivanilov V.M. Associativnyj potencial slova kak osnova tolkovaniya snovidenij [Associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams], avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Author's abstract of PhD Diss.]. Ekaterinburg, 2006, 23 p. (In Russian).
9. Ionin L.G. Sociologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie [Sociology of culture: the path to the new millennium]. Moscow, Logos, 2000, 432 p. (In Russian).
10. Karabaeva R.O. Narodnoe tvorchestvo kak ob'ekt istoriko-filosofskoj refleksii [Folk art as an object of historical and philosophical reflection]. Sovremennye gumanitarnye issledovaniya [Modern humanitarian research], 2006, № 1, pp. 118–119. (In Russian).
11. Karmanova I.G. Evolyuciya sna: etapy formirovaniya cikla «Bodrstvovanie – son» v ryadu pozvonochnyh [“Evolution of sleep: stages of the formation of the wake-sleep cycle in a number of vertebrates]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-e, 1977, 174 p. (In Russian).
12. Lazareva A.A. Simvolika snovidenij v narodnoj kul'ture: fol'klornye modeli i lichnye narrativy [Emotions as an object of interpretation in Slavic folk stories about prophetic dreams], dis. ... kand. filol. nauk [PhD Diss.]. Moscow, 2018, 335 p. (In Russian).
13. Lazareva A.A. Emocii kak ob'ekt tolkovaniya v slavyanskix narodnyh rasskazah o veshchih snah [Emotions as an object of interpretation in Slavic folk stories about prophetic dreams]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana [Studia Slavica et Balcanica Petropolitana], 2016, № 2 (20), pp. 30–46. (In Russian).
14. Lipatova A.I., Trostina M.A. Simvolika obraza svekrovi v ustnyh rasskazah o veshchih snah [The symbolism of the image of the mother-in-law in oral stories about prophetic dreams]. Russkij fol'klor Mordovii v kontekste otechestvennoj kul'tury: sb. materialov Vseross. nauch. konf. (Shestye Vseross. nauchn.-pedagogich. chteniya s mezhdunarodnym uchastiem) (10 marta 2022 g., Saransk) / O.Yu. Os'mukhina (otv. red.) [Russian folklore of Mordovia in the context of domestic culture: collection of articles. materials Vseross. scientific conf. (Sixth All-Russian scientific and pedagogical readings with international participation) (March 10, 2022, Saransk) / O.Yu. Osmukhina (responsible ed.)]. Saransk: Mordov. univ. publ, 2022, pp. 25–31. (In Russian).
15. Mihajlova J.I. Narodnoe tvorchestvo kak sociokul'turnoe yavlenie [Folk art as a socio-cultural phenomenon]. Perm': PUVKIU, 1994, 176 p. (In Russian).
16. Mihajlova L.I. Narodnoe hudozhestvennoe tvorchestvo i ego mesto v rossijskoj kul'ture [Folk art and its place in Russian culture]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research], 1998, № 4, pp. 3–16. (In Russian).
17. Nurmuhametov E.A., Latypov I.R. Snovideniya v zhizni sovremennogo cheloveka: psihologicheskij aspekt [Dreams in the life of a modern person: a psychological aspect]. Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psihologii [Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology], 2016, № 1 (58), pp. 78–83. (In Russian).
18. Podyukov I.A., Svalova E.N. Kul'turnaya semantika znakov-simvolov v tekstah narodnyh snovidenij (na materiale tradicii snovidchestva v Permskom Prikam'e) [Cultural semantics of signs-symbols in the texts of folk dreams (based on the tradition of dreaming in the Perm Kama region)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Bulletin. Philology], 2021, № 70, pp. 121–136. (In Russian).
19. Popov E.A. Sociologiya iskusstva: problema stanovleniya [Sociology of art: the problem of formation]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research], 2007, № 9, pp. 118–124. (In Russian).
20. Sadova T.V. Strukturno-semanticheskie harakteristiki ustnogo snovidcheskogo rasskaza [Structural and semantic characteristics of an oral dream story]. Praktiki i interpretacii [Practices and Interpretations], 2016, vol. 1(4), pp. 273–284. (In Russian).
21. Safronov E.V. Rasskazy o snah kak fol'klornyj zhanr [Stories about dreams as a folklore genre]. Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika. 2005 [Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics. 2005]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/safronov2.htm> (In Russian).

22. Svalova E.N., Generalova N.I. Narodnye rasskazy o snovideniyah kak fol'klorno-rechevoj zhanr [Folk stories about dreams as a folklore and speech genre]. Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniya [Socio- and psycholinguistic studies], 2020, № 8, pp.127–131. (In Russian).
23. Sokolov K.B. Subkul'turnaya stratifikaciya i gorodskoj fol'klor [Subcultural stratification and urban folklore], Tradiционnaya kul'tura. Nauchnyj al'manah [Traditional culture. Scientific almanac]. Moscow, 2000, № 1, pp. 3-10. (In Russian).
24. Stoyuhina N.Yu., Kostrigin A.A. Problematika sna i snovidenij v otechestvennoj psihologii na rubezhe XIX–XX vekov [The problem of sleep and dreams in Russian psychology at the turn of the XIX-XX centuries]. Privolzhskij nauchnyh vestnik [Privolzhsky Scientific Bulletin], 2014, № 11–2 (39), pp. 1–5. (In Russian).
25. Tajlor E.B. Pervobytnaya kul'tura [Primitive culture]. Moscow, Politizdat, 1989, 572 s. (In Russian).
26. Toktarova T.Zh. Kul'turnye imperativy v fol'klore: gendernyj aspekt [Cultural imperatives in folklore: gender aspect]. Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki [Scientific Review. Pedagogical Sciences], 2016, №1, pp. 63–65. (In Russian).
27. Trostina M.A. Arhetip «rodnogo pokojnika» v ustnyh narodnyh rasskazah russkih i mordvy [The archetype of the "native dead" in the oral folk stories of Russians and Mordovians]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2017, № 5 (71). Part 2, pp. 29–32. (In Russian).
28. Frezer Dzh. Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. M., Politizdat, 1980, 832 p. (In Russian).
29. Chistov K.V. Russkaya narodnaya utopiya: genezis i funkcii social'no-utopicheskikh legend [Russian folk utopia: the genesis and functions of social utopian legends]. St. Petersburg, Dmitry Bulavin, 2003, 538 p. (In Russian).
30. Shabanova M.V. Devochka – nevesta – mat': struktura gendernoj identichnosti v etnicheskoi kul'ture russkih [Girl - bride – mother: the structure of gender identity in the ethnic culture of Russians]. SERVIS PLUS, 2020, № 4, vol. 14, pp. 115–122. (In Russian).

Received 23.01.2023

Osmukhina O.Yu, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Russian and Foreign Literature
E-mail: osmukhina@inbox.ru

Trostina M.A., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Russian and Foreign Literature
E-mail: trostina@mail.ru

National Research Ogarev Mordovia State University
Bolshevistskaja st., 68, Saransk, Russia, 430005